

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ПРИОЛЬХОНЬЯ

Введение

На сегодняшний день археологическая изученность байкальского побережья выглядит неравномерной. Выделяются районы с большей концентрацией памятников древности, как например Приольхонье, побережья Северного Байкала и Чивыркуйского залива. Однако имеются участки береговой линии с небольшим количеством объектов археологии. Как правило, на этих территориях не проводились систематические археологические исследования.

В настоящий момент наибольшее количество археологических объектов выявлено в Приольхонье — районе западного побережья оз. Байкал от м. Елохин на северо-востоке до устья р. Бугульдейка на юго-западе, включая о-в Ольхой. Это многослойные стратифицированные стоянки и поселения (около 225), могильники и отдельные погребения (более 500), объекты наскального искусства (около 25), оградительные каменные сооружения и пещерные объекты (около 40), хозяйственно-бытовые и ритуально-поминальные каменные конструкции (более 400). Основная часть из них сосредоточена в центральной части района — на побережье Малого моря (Горюнова, Свинин, 1995, 1996, 2000). Северо-восточная оконечность Приольхонья до последнего времени была исследована слабо. По данным на 1996 г. к северо-востоку от с. Кочерикова известно 4 археологических объекта (Горюнова, Свинин, 1996).

Для более детального изучения северо-восточного Приольхонья летом 2009 г. отрядом Лаборатории древних технологий ИрГТУ под руководством авторов статьи проводились археологические разведочные работы на участке побережья оз. Байкал от м. Рытый до устья р. Кочерикова. Экспедиционный маршрут проходил с северо-востока на юго-запад исключительно вдоль береговой линии (рис. 1). Основными задачами разведки явились осмотр ранее изученных

памятников и поиск новых археологических объектов. В результате экспедиции были открыты 11 ранее не известных археологических объектов и собраны находки на двух стоянках, обнаруженных в 1978 г. Материалы с наиболее интересных из них представлены в настоящей статье.

История исследования

На пути экспедиционного маршрута от м. Рытый до устья р. Кочерикова в местностях Убугун и Эльген были расположены три ранее исследованных археологических объекта. В 1978-1979 гг. в результате разведочных работ Саянским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (А.П. Окладников, И.В. Асеев) были открыты и исследованы стоянки Убугун (в дальнейшем Убугун I) и Эльген I, а также раскопано неолитическое погребение Эльген II (Горюнова, Свинин, 1996). В 1982, 2002 и 2003 гг. работы на стоянке Эльген I были продолжены под руководством И.В. Асеева (2003, 2004).

Стоянка *Убугун I* расположена в одноименной местности в 2,5 км к юго-востоку от бывшего пос. Малое Кочериково и в 8 км к северо-востоку от пос. Кочериково. Археологический материал был собран в юго-западной части береговых обнажений высотой 1,0-1,5 м. В результате зачистки выяснилось, что находки залегают в слое дерна и преимущественно в кровле поддернового слоя буро-коричневой супеси. Немногочисленный археологический материал, представленный фрагментами керамики и предметами каменной индустрии, отнесен исследователем к эпохе неолита (Конопацкий, 1982).

Стоянка *Эльген I* находится в 3 км к востоку от пос. Кочериково, в юго-западной части одноименной бухты. В 1978 г. в склоновых отложениях южной части бухты, а также в выработанном грунте из-под нор полевых грызунов к западу от береговых обнажений исследователями собран подъемный материал. Небольшая коллек-

ция, состоящая из каменных предметов и фрагментов керамики, была отнесена исследователем к эпохи неолита (Конопацкий, 1982). Дальнейшие археологические исследования на стоянке проводились в течение нескольких полевых сезонов.

В 1979 г. на стоянке заложен раскоп, площадью 34 м², и три шурфа. Стратиграфия раскопа показала, что находки залегают в слое дерна и преимущественно в поддерновом слое гумусированной супеси. Культурный слой в компрессионном состоянии — выделение подгоризонтов затруднительно. Аналогичная ситуация прослеживается и в шурфах № 2 и 3. Самой показательной категорией находок, не противоречащей датировке стоянки, является коллекция из каменных предметов. Керамика же представлена фрагментами от разнотипных сосудов, на которых отмечаются следующие элементы орнамента: гребенчато-пунктирные вдавления, ряды оттисков отступающих орнаментов, вдавления-«горошины» изнутри и налепные рассеченные валики. В сочетании с последними также присутствуют прочерченные линии и ногтевые вдавления (Конопацкий, 1982; Асеев, 2003).

В 1982 г. в целях вычленения культурных горизонтов на стоянке Эльген I в 38 м северо-западу от траншеи 1979 г. был заложен новый раскоп, площадью 28 м². Стратиграфия второго раскопа мало чем отличалась от первого — культурный слой в перемешанном состоянии. Археологическая коллекция стоянки существенно пополнилась предметами каменной индустрии и фрагментами керамических сосудов. Среди новых орнаментальных элементов на керамике встречены ряды рассеченных налепных валиков, треугольных в сечении, зубчатый штамп и ряды полулунных и треугольных вдавлений, нанесенных в отступающей технике. По аналогии каменного инвентаря и части керамики стоянки Эльген I с материалами третьего и четвертого слоев поселения Саган-Заба исследователь называет первую из них «мастерской» и датирует ее китойским временем. Кроме того, по образцам угля из очага (на разных глубинах), зафиксированного в раскопе, получены две радиоуглеродные даты: 6130±115 л.н. (СОАН-5121) и 6790±85 л.н. (СОАН-5122), не противоречащие такой датировке (Асеев, 2003).

В 2002-2004 гг. работы на стоянке были продолжены. В результате чего удалось выявить бескерамические горизонты эпохи мезолита и па-

леолита. В смешанном керамическом слое были обнаружены фрагменты керамики с заглаженным шнуровым и штриховым техническим орнаментом, с оттисками отступающих орнаментов. Также на стоянке выявлен жертвенник, отнесенный исследователем к эпохи неолита (Асеев, 2004).

Одинокое погребение *Эльген II* расположено в 250 м к западу от раскопа 1979 г. В этом же году погребение полностью исследовано. Под овальной каменной кладкой, в заполнении могильной ямы, обнаружено большое количество фрагментов разнотипной керамики и деревянное перекрытие (часть обгоревшая), под которым были обнаружены останки погребенного, расположенного на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Вместе с останками найдены кремневые пластина и отщеп. Погребение отнесено к эпохе неолита (Конопацкий, 1982).

Таким образом, три известных археологических объекта были датированы исследователями эпохой каменного века, а точнее неолитом (V — пер. пол. III тыс. до н.э.). Последние работы на стоянке Эльген I указывают и на раннее пребывание человека в этой местности.

При анализе археологического материала следует заметить следующие особенности. Несомненно, каменная индустрия стоянок Убугун I и Эльген I не противоречит предложенной датировке объектов эпохой каменного века. Что же касается керамических коллекций, здесь возникает целый ряд вопросов. Так, например, И.В.Асеев, не разделяя керамический комплекс стоянки Эльген I на разные хронологические периоды, все-таки считает стоянку неолитическим объектом. Хотя по орнаменту, как определенному маркеру исторических эпох Прибайкалья, некоторые фрагменты керамики следовало бы отнести к более поздним периодам, тем самым расширить хронологические рамки пребывания древнего человека в местности Эльген.

Результаты экспедиционных исследований

Как видно из истории исследования, на указанной территории на момент проведения экспедиции было известно совсем небольшое количество объектов археологии. Это стоянки неолитического времени Убугун I и Эльген I, а также

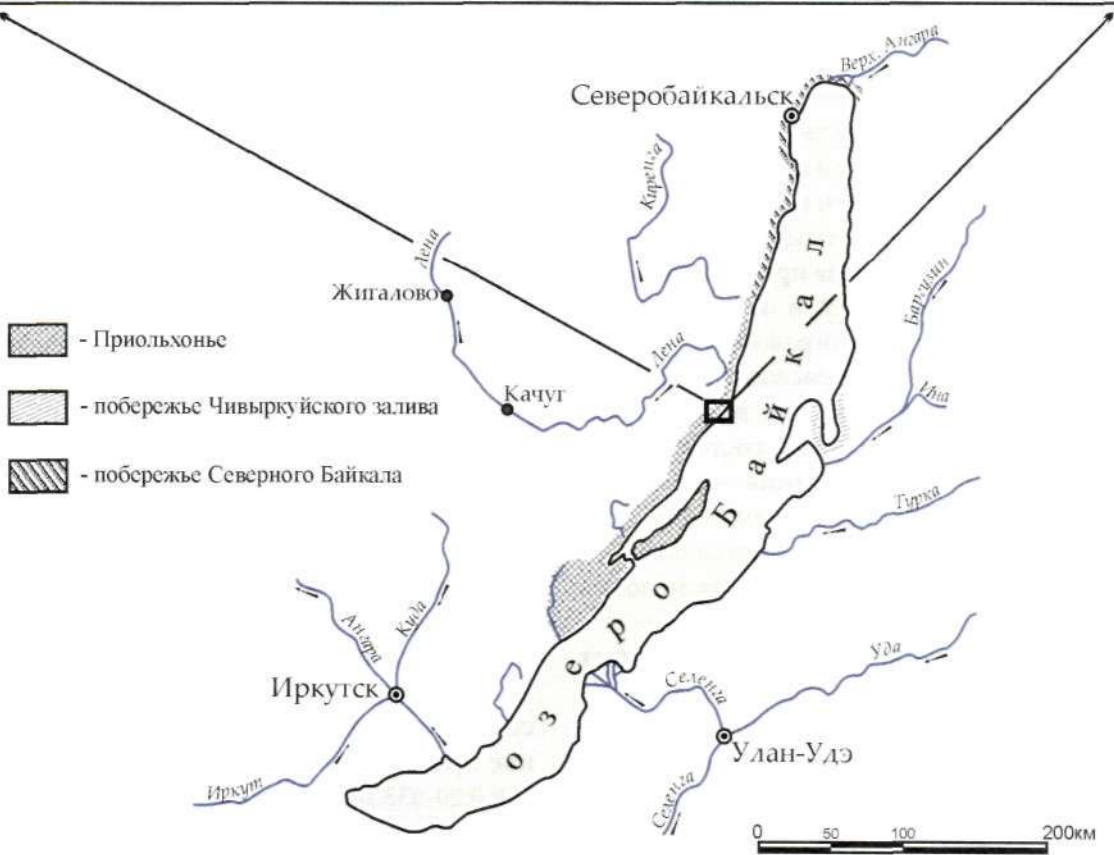
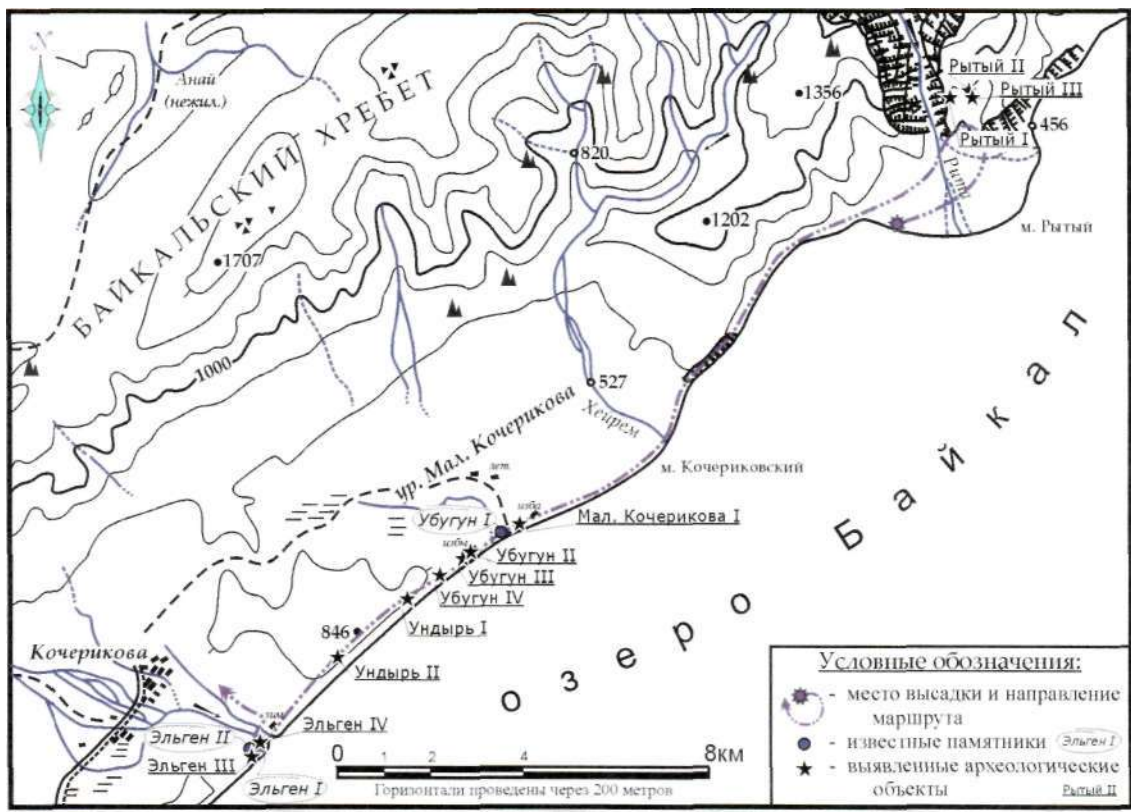

Рис 1. Карта экспедиционного маршрута с археологическими объектами

полностью исследованное одиночное погребение Эльген II. На береговом отрезке между двумя вышеупомянутыми стоянками и дальше на северо-восток от местности Убугун памятники археологии не зафиксированы. Именно эти территории — окрестности горы Ундырь, устья р. Хейрем и м. Рытый — в первую очередь интересовали участников экспедиции. И потому первоочередной задачей для нас являлось посещение м. Рытый, откуда дальнейший маршрут пролегал вдоль береговой линии на юго-запад (рис. 1).

Сведения о «каменной стене» на м. Рытый авторы статьи получали из самых разных источников, но ни один из них не являлся археологическим или историческим. Большая часть информации носила описательный характер, а иногда и мифический. Таким образом, обнаруженный нами объект явился еще одним археологическим монументальным строением, открывающим третий десяток подобных сооружений древности в Приольхонье.

Каменная стена *Рытый I* находится в 2,8 км к северу от устья р. Рита (формально река уходит под землю еще при выходе из ущелья). Оградительная система расположена на склоне отрога Байкальского хребта, примыкающего с востока к ущелью р. Рита. Оконечность отрога представляет собой горную цепочку, разделенную небольшими распадками. На западе и востоке горная система оканчивается каменистыми осыпями. Стена берет свое начало на западе практически у обрыва, проходит по южному и юго-западному склонам первой из трех гор, ограждая ее верхушку, спускается в небольшой распадок и оканчивается лишь на западном склоне второй горы. Окружающий стену природный ландшафт различен. Так, к северу от сооружения — верхушка горы и часть распадка — расположен хвойный густой лес с каменистым настилом, а на склоне южнее стены встречаются редко растущие молодые лиственницы со степной растительностью.

Общая протяженность стены составляет около 500 м. В плане оградительная система представляет собой вытянутый с запада на восток зигзаг, состоящий из четырех практически прямых частей-сегментов. Соединения между сегментами плавные. Длина первого, второго и четвертого сегментов составляет примерно по 100 м для каждого. Протяженность третьего — около 180 м. Если первый и третий части-сегменты

расположены в горизонтальной плоскости и проходят вдоль склона, практически не меняя высотных отметок, то второй и четвертый — пролегают больше в вертикальной проекции вниз или вверх по склону, ощутимо меняя показатели высоты. В целом, стена выглядит монолитом, однако во втором сегменте имеется единственный проход, шириной около 12 м (рис. 2).

Сохранность стены и ее конструкция на разных участках сооружения неодинаковы. Это объясняется как временными причинами, так и качеством подручного строительного материала.

Наиболее информативной является центральная часть оградительной системы (второй и третий сегменты). Здесь высота сооружения составляет 0,70-1,15 м, ширина — 0,90-1,20 м. Стена сконструирована из крупных и средних каменных плит, уложенных послойно друг на друга в один ряд. Длинными сторонами камни расположены, преимущественно, поперек общего направления стены. Самый большой камень, зафиксированный в конструкции стены, имеет размеры 1,65x0,48x0,15 м. Однако количественно преобладают камни средних размеров от 0,65x0,25 м до 0,30x0,15 м (рис. 3).

Западная часть стены (первый сегмент) имеет среднюю высоту 0,40 м и ширину 0,60-0,80 м. Строительным материалом являются те же продолговатые каменные плиты. Однако такой мощной конструкции, фиксируемой в центральной части сооружения, здесь не наблюдается. Лишь незначительное количество камней стасщено вниз по склону. Возможно, причиной тому является незавершенность строительных работ на этом участке сооружения.

Восточная часть стены (четвертый сегмент) в отличие от центральной и западной частей оградительной системы выглядит иначе. Объясняется это, во-первых, рельефными особенностями, а именно, более крутыми склонами распадка, а, во-вторых, качеством подручного строительного материала. Поэтому на этом участке стена сложена из камней средних размеров в 1-2 слоя, набросанных друг на друга. Таким образом, сооружение приобретает вид каменистой насыпи, высотой 0,20-0,35 м и шириной 0,40-1,20 м.

При визуальном осмотре каменной конструкции и оградительной территории, представленной верхушкой первой горы и северной частью распадка, нами не обнаружено каких-либо

дополнительных каменных сооружений и перспективных площадок. Также не найден и датирующий археологический материал.

В 100 м к северо-востоку от восточной оконечности каменной стены Рытый I, на вершине второй по счету горы, было обнаружено еще два археологических объекта. «Колодцеобразное» обо *Рытый II*, сложенное из продолговатых плит скальной породы, имеет высоту 0,78 м. Нижний диаметр сооружения составляет 1,0 м, верхний 0,6 м. В 20 м южнее обо располагалась полукольцевая каменная выкладка *Рытый III*, размерами 3,0x2,5 м и высотой 0,6 м. В южной части кольца камни отсутствуют. Археологический материал при осмотре обеих конструкций не обнаружен. Имеют ли отношение эти два объекта к оградительной стене Рытый I, сказать затруднительно.

Интерес к древнему монументальному строительству Приольхонья исследователи стали проявлять еще с конца XIX в. Однако первая классификация каменных стен-«городищ» появилась сравнительно недавно. Оградительное сооружение Рытый I, исходя из конструктивных особенностей, можно отнести к типу «однорядных стен из горизонтально уложенных плит». К этому же типу относятся стены «городищ» Курминское ущелье I, Харгой I, Харгой II и Шибэтэ I (Харинский, 2002).

Относительно функционального назначения (оборонительное или сакральное) и датировки этих объектов на сегодняшний день единой точки зрения не существует. Мы полагаем, за неимением археологического датирующего материала, каменную стену Рытый I следует считать сакральным объектом и датировать ее в пределах I — нач. II тыс. н.э.

При осмотре береговых обнажений стоянки *Убугун I* археологический материал удалось обнаружить в центральной части берегового уступа, в 50 м к северо-востоку от зачистки 1978 г. Собранная коллекция оказалась немногочисленной — всего 26 находок. Из них 21 фрагмент керамики, неопределимый фрагмент жженой кости и 4 кусочка шлака. Предметов каменной индустрии не обнаружено. Керамика представлена фрагментами от трех сосудов:

- фрагменты венчика и тулова (18 экз.) от гладкостенного сосуда закрытой формы. Фрагментов дна не обнаружено. Венчик овальной формы утолщен с внешней стороны широкой глиня-

ной лентой, немного отогнут наружу. Орнаментальная композиция состоит из ряда оттисков отступающей лопаточки и налепного рассеченного валика. Горизонтальный ряд оттисков дугообразного орнамента проходит в 1,0-1,4 см от внешнего края венчика и выполнен в отступающей технике. Налепной, треугольный в сечении, валик украшает тулово сосуда в 1,3-1,5 см ниже утолщающей венчик ленты. Деформация валика выполнена другим орнаментом с плоским прямым рабочим краем (рис. 4-1);

- фрагменты венчика и тулова (2 экз.) от шнурового сосуда простой закрытой формы. Фрагментов дна не обнаружено. Венчик прямой формы. Оттиски толстого шнура отчетливо прослеживаются на фрагменте тулова сосуда. В привенчиковой зоне оттиски заглажены. Орнаментальная композиция состоит из двух налепных горизонтальных валиков, деформированных «личиночными» вдавлениями. Такими же вдавлениями орнаментированы внутренний и внешний края венчика (рис. 4. 2);

- фрагмент от гладкостенного толстостенного сосуда без орнамента.

Шнуровая керамика с налепными валиками сегодня хорошо известна в Приольхонье, на побережьях Чивыркуйского залива и Северного Байкала как керамика *сеногдинского* (тышкинейского — по О.И.Горюновой) типа (рис. 1). Появление шнуровых сосудов на поддонах, орнаментированных в привенчиковой зоне налепными валиками, на территории западного побережья Байкала обусловлено приходом сюда в конце II — начале I тыс. до н.э. кочевников из Забайкалья — культуры плиточных могил. Такая керамика обнаружена в плиточных могилах и на стоянках Приольхонья (Свинин, 1971; Горюнова, 1983; Грязное, Комарова, 1991; Туркин, 2003 а, б). На стоянках побережья Чивыркуйского залива керамика сеногдинского типа отмечена в слоях позднего бронзового — раннего железного веков (Черемисин, Горюнова, 1991; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008). На северном побережье Байкала фрагменты шнуровой керамики, орнаментированной налепными валиками, встречаются и в ритуально-поминальных комплексах, а также на стоянках со смешанными культурными горизонтами (Свинин, 1966; Харинский, 2005).

На сегодняшний день имеется семь радиоуглеродных дат, определяющих период бытования

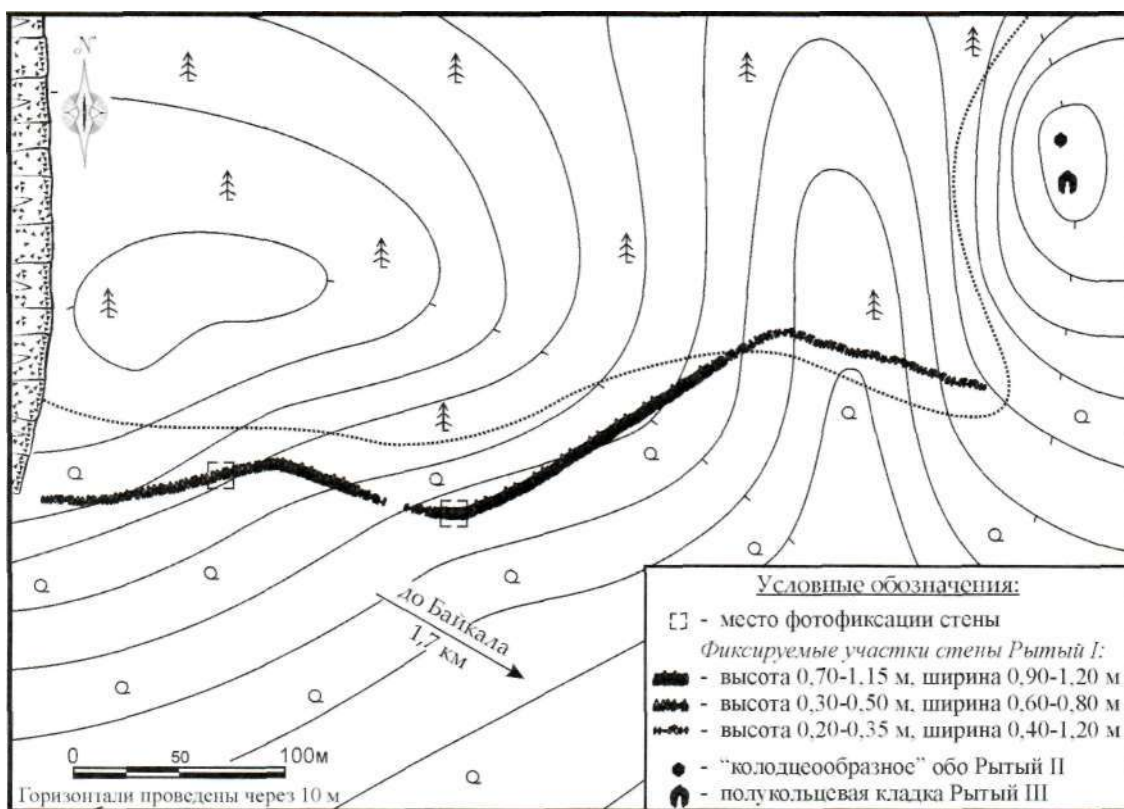

Рис 2. Ситуационный план расположения археологических объектов Рытый I, Рытый II и Рытый III

такой посуды на западном побережье Байкала концом II — концом I тыс. до н.э. (Кичигин, 2009). Однако на протяжении длительного временного отрезка керамика сеногдинского типа претерпела некоторые изменения, выразившиеся в формах сосуда и венчика, толщине шнура и характере орнамента. Поэтому у исследователей сложились представления о раннем и позднем вариантах такой керамики. Так, например, в ранний период бытования сеногдинской посуды (XIII — VI вв. до н.э.) отмечаются следующие особенности изготовления и орнамента сосудов: прямая форма венчика, как правило, не отогнутого наружу, оттиски грубого толстого шнура на внешней поверхности сосудов и упрощенная (стандартная) орнаментальная композиция, выраженная в 1-4 горизонтальных валиках, рассеченных всевозможными вдавлениями, и ряде круглых вдавлений-отверстий. В более поздний период (конец I тыс. до н.э.) преобладают отогнутый наружу венчик прямой и овальной форм, оттиски среднего более изящного шнура и усложнение орнаментальной композиции. Последняя особенность отчетливо проявляется на сосудах

побережья Северного Байкала, где наряду с горизонтальными валиками орнаментальную композицию дополняют вертикальные и наклонные, короткие и длинные валики меньших размеров. В Приольхонье и на побережье Чивыркуйского залива в поздний период продолжает существовать стандартная композиция орнамента (Харинский, 2005; Кичигин, 2009).

Учитывая форму венчика, характер орнамента и толщину шнура, покрывающего тулово сосуда, фрагмент керамики, найденный на стоянке Убугун I (рис. 4-2), по нашему мнению, следует отнести к раннему этапу бытования такой посуды и датировать его XIII — VI вв. до н.э.

Гладкостенная керамика, орнаментированная налепными валиками, находит свои аналогии в поздних комплексах многослойных поселений Приольхонья и побережья Чивыркуйского залива и датируется кон. I тыс. до н.э. — сер. I тыс. н.э. (Грязнов, Комарова, 1991; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008). В погребальных комплексах Приольхонья она прослеживается до IV-V вв. н.э. (Харинский, 2001). Следует заметить, что орнаментация сосудов рассеченными налепными валика-

Рис 3. Каменная стена-городище Рытый I. Фрагмент сооружения

ми, появившаяся еще в позднем бронзовом веке, сохраняет свою преемственность на территории Предбайкалья в раннем и развитом железном веках (кон. I тыс. до н.э. — пер. пол. I тыс. н.э.), на *елгинском* этапе. Для этого периода характерными являются два типа посуды — *борисовская* и *елгинская* керамические традиции. Первая из них представлена сосудами с плоским дном, внешняя поверхность которых покрыта ромбическими оттисками. Орнаментальная композиция состоит из горизонтальных и вертикальных валиков, рассеченных поперечными вдавлениями. Вторая — гладкостенными сосудами с плоским дном или на поддоне. Венчики с внешней стороны имеют налп. Орнамент в виде горизонтальных валиков, рассеченных треугольной в сечении палочкой, и дугообразных вдавлений. В свою очередь, эта керамическая традиция делится еще на два типа — собственно *елгинский* и *сосновоостровский*. Для последнего, помимо налпных валиков и дугообразных вдавлений, характерным является прореченный криволинейный орнамент (Харинский, 2005).

Как видно, убугунский фрагмент гладко-

стенной керамики с налпным рассеченным валиком и рядом дугообразных вдавлений (рис. 4-1) относится к *елгинской* керамической традиции и датируется в пределах кон. I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э.

В итоге, полученный археологический материал позволяет говорить о том, что стоянка Убугун I посещалась древним человеком не только в эпоху неолита (V — нач. III тыс. до н.э.), но и в позднем бронзовом, раннем и развитом железном веках (I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э.).

В 0,6 км к юго-западу от стоянки Убугун I — в самой оконечности одноименной бухты — была обнаружена стоянка железного века и средневековья *Убугун II*. При осмотре береговых обнажений был собран археологический материал, представленный 2 металлическими изделиями, 3 фрагментами гладкостенной керамики без орнамента, 7 обожженными костями млекопитающих и кусочком шлака.

Самой показательной и информативной находкой является железный черешковый наконечник стрелы. Изделие относится к группе плоских наконечников. Определить форму пера за-

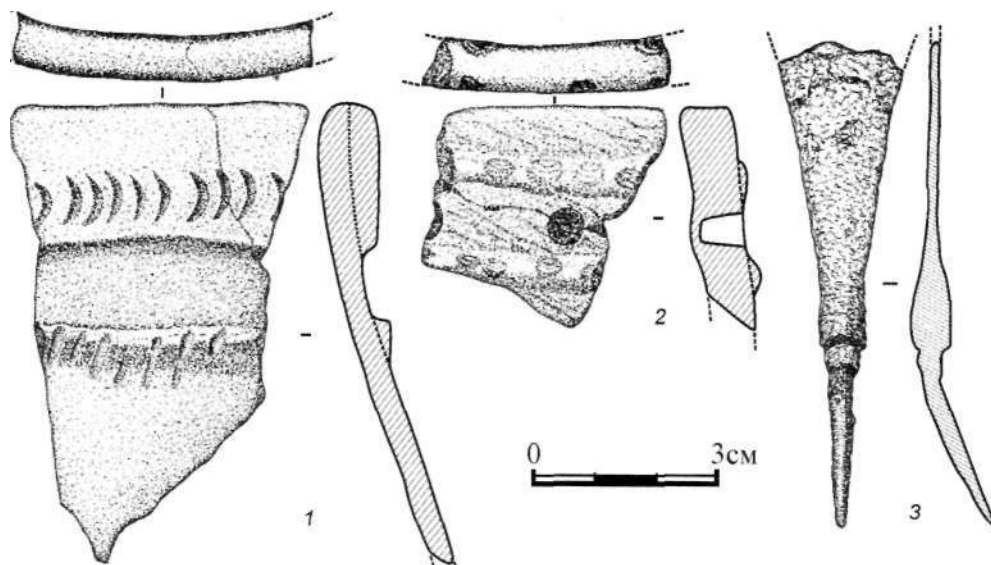

Рис 4. Археологический материал стоянок Убугун I (1, 2) и Убугун II (3)

труднительно — острое наконечника обломано. По сохранившейся части пера наконечник может быть отнесен как к секторному типу, так и к томару. Длина черешка 3 см, длина пера 4,8 см. Ширина основания пера 0,7 см; максимальная ширина пера 2,0 см (рис. 4-3).

Плоские наконечники стрел находят свои аналогии среди комплексов вооружения кочевников Южной Сибири, Прибайкалья и Саяно-Алтая в XI-XIV вв. н.э. Хотя встречаются и в более позднее время у коренных народов Сибири. Однако в Прибайкалье некоторые формы плоских наконечников появляются еще в конце I тыс. н.э. (Худяков, 1991). Так в Приольхонье начиная с X в. распространяются верхнеярусные и узкие асимметрично-ромбические наконечники стрел, а также *томары*. Причем последние продолжают бытовать до конца II тыс. н.э. С XII в. на этой территории начинают распространяться широкие асимметрично-ромбические и *секторные* формы пера. Немного позже появляются нижнеярусные, овально-крылатые и двурогие типы наконечников стрел (Харинский, 2001). Аналогичная ситуация прослеживается и в Приангарье (Николаев, 2004).

Так или иначе, убугунский наконечник стрелы, будь он отнесен к секторному типу или томарам, датируется в пределах большого хронологического диапазона (кон. I — кон. II тыс. н.э.). Также надо учитывать, что находка имеет посредственное отношение к датировке стоянки. Наконечник

мог быть утерян вместе со стрелой во время охоты или при других обстоятельствах.

Фрагменты гладкостенной керамики, собранной на стоянке Убугун II, также не являются полноценным датировующим источником. Отсутствие орнамента как некоего маркера исторической эпохи (этапа) или археологической культуры Приольхонья не позволяет отнести найденные фрагменты к конкретному периоду, так как традиция изготавливать гладкостенные сосуды появляется еще в конце I тыс. до н.э. и продолжает бытовать на протяжении I — сер. II тыс. н.э. (Харинский, 2001, 2005).

Таким образом, за неимением полноценного диагностирующего материала датировать стоянку Убугун II следует большим временным периодом кон. I тыс. до н.э. — сер. II тыс. н.э. Обозначить более конкретный промежуток времени пребывания человека на стоянке возможно лишь при проведении дополнительных археологических исследований.

Береговая линия между стоянками Убугун II и Эльген I представляет собой горный массив, оканчивающийся у озера скалистыми обрывами. Самой высокой отметкой здесь является вершина горы Ундырь. Высота над уровнем Байкала составляет 846 м. На этом участке экспедиционного маршрута, который проходил исключительно вдоль обрыва, было обнаружено несколько надмогильных каменных конструкций, объединенных в четыре археологических объекта, —

погребально-поминальные комплексы *Убугун III* и *Убугун IV* и одиночные погребения *Ундырь I* и *Ундырь II* (рис. 1). Общая датировка погребений сводится к широкому хронологическому диапазону от эпохи бронзы до средневековья. Однако главной особенностью этих комплексов является их геоморфологическое расположение — практически все они локализуются на кромке обрыва.

При осмотре береговых обнажений в южной части стоянки *Эльген I* обнаружен археологический материал в количестве 114 находок. Из них фрагменты керамики составляют 64 экз., предметы каменной индустрии — 40 экз., фрагменты жженой битой кости — 7 экз., кованые гвозди — 2 экз., шлак — 1 экз.

Керамическая коллекция представлена 64 фрагментами от семи сосудов:

- фрагменты керамики (24 экз.) с оттисками сетки-плетенки от двух сосудов (по количеству венчиков). Оттиски мелкоячеистой и мелкоузелковой сетки отчетливо прослеживаются на внешней поверхности всех фрагментов. Такие же оттиски, но сильно затертые отмечаются и на внутренней стороне. Форма сосудов закрытая, венчики прямой формы. Однако первый из них сильно отогнут наружу, а верхний срез второго орнаментирован прямыми насечками. Большая часть фрагментов тулова апплицируется в крупные фрагменты, но установить их принадлежность к какому-либо сосуду затруднительно (рис. 5-5,6,10);

- фрагмент венчика от гладкостенного сосуда закрытой формы. Венчик овальной формы отогнут наружу так, что его внешний край образует карниз (рис. 5-8);

- фрагмент венчика от сосуда закрытого типа. Венчик овальной формы немного отогнут наружу. Орнаментальная композиция состоит из ряда сквозных округлых отверстий и трех рядов оттисков отступающей лопатки. Рабочий край орнамента имел овальную форму. Такими же оттисками орнаментирован и верхний срез венчика (рис. 5-9);

- фрагмент тулова от гладкостенного сосуда с вертикальными прямоугольными вдавлениями, образующими горизонтальный ряд (рис. 5-11);

- фрагмент керамики с горизонтальными рядами, примыкающими вплотную друг к другу оттисков отступающей остроконечной палочки. Глубина оттисков составляет 2-3 мм (рис. 5-12);

- фрагменты (36 экз.) венчика и тулова (?) от сосуда простой открытой формы с оттисками штрихов на внешней поверхности. Венчик прямой. Орнаментальная композиция состоит из трех наклепных рассеченных валиков, рядов отступающего остроконечного орнамента и штамповых вдавлений. Горизонтальные валики, треугольные в сечении, рассечены орнаментом с остроугольным выемчатым окончанием в отступающей технике. Ниже валиков — три горизонтальных ряда оттисков остроконечной отступающей палочки. Под ними штамповые вдавления в виде вертикально стоячих продолговатых овалов, поперечно-гофрированных. И завершают орнаментальную композицию ряды оттисков остроконечной отступающей палочки (рис. 5-13). К этому же сосуду нами отнесены (идентичность по составу керамического теста, обжиговым показателям и т. п.) и другие фрагменты керамики с оттисками штрихов и разнонаправленными рядами оттисков отступающей остроконечной палочки (рис. 5-14).

Каменный инвентарь, собранный на стоянке, представлен следующими предметами:

- концевой скребок на мелкозернистом кварцитовом отщепе, который был снят с подготовленного нуклеуса. Рабочая часть изделия оформлена разнофасеточной иррегулярной ретушью (рис. 5-7);

- многофасеточный резец срединного типа из кремнистого материала. Головка резца сделана на проксимальной части пластинчатого скола (рис. 5 — 4);

- 11 ножевидных пластин без ретуши (рис. 5-1,3);

- 27 отщепов и сколов.

Среди фаунистических останков определенными являются кости благородного оленя и байкальской нерпы.

Фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки находят свои аналогии в нижних культурных комплексах многослойных стоянок и поселений Приольхонья и побережья Чивыркуйского залива и датируются в пределах неолита (Грязнов, Комарова, 1991; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008).

Фрагменты гладкостенной керамики, орнаментированные рядами оттисков отступающих орнаментов, также встречаются в культурных горизонтах многослойных стояночных объектов

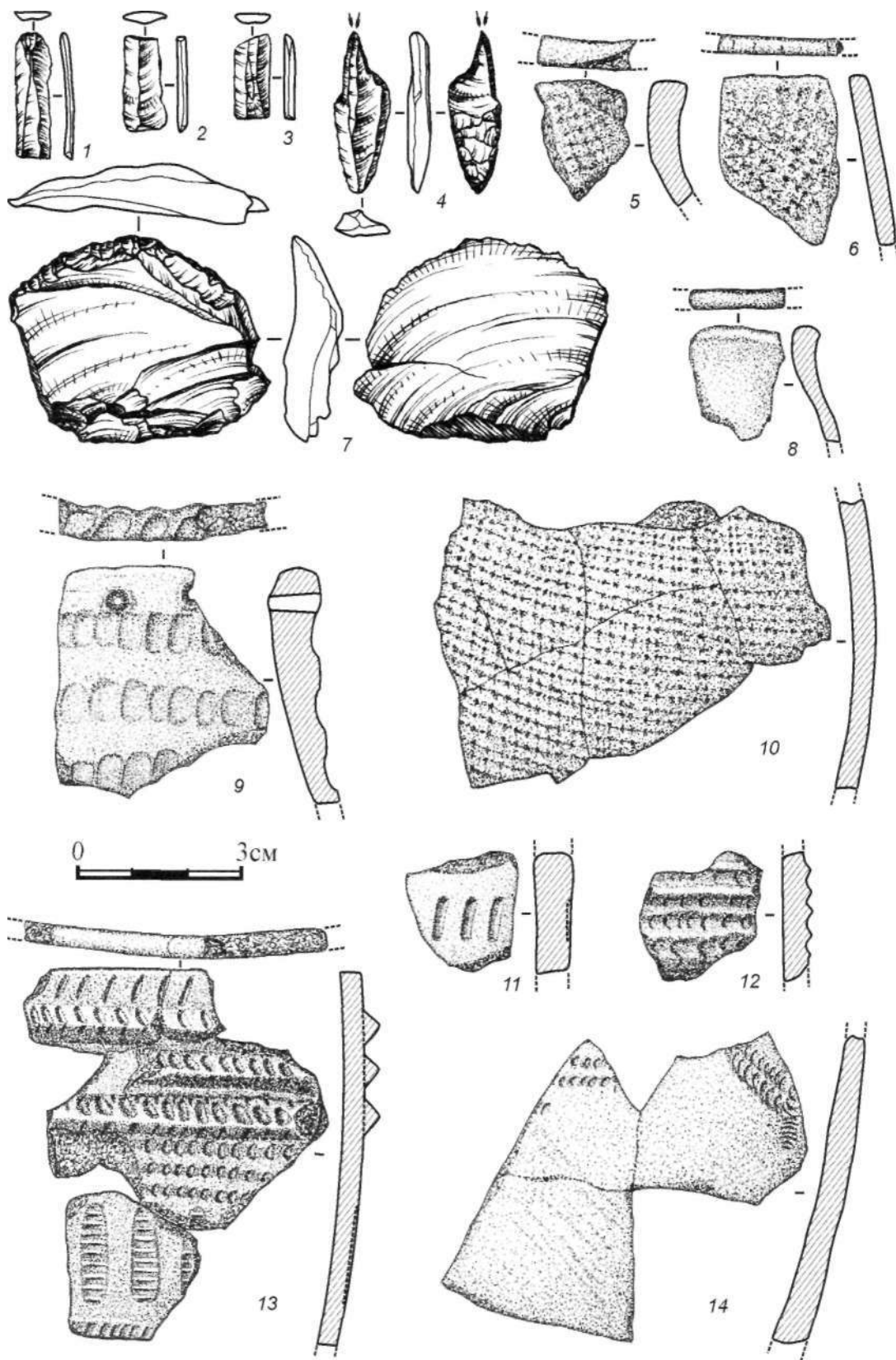

Рис 5. Археологический материал стоянки Эльген I

Приольхонья и побережья Чивыркуйского залива. Эти комплексы залегают между культурными слоями неолита (V — сер. III тыс. до н.э.) и позднего бронзового века (кон. II — нач. I тыс. до н.э.) и относятся, естественно, к раннему и среднему этапам эпохи бронзы (Грязнов, Комарова, 1991; Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008).

Наибольший интерес представляют фрагменты керамики от сосуда со штриховыми оттисками на внешней поверхности. Орнаментальная композиция состоит из треугольных в сечении налепных валиков, рядов оттисков отступающей остроконечной палочки и штамповых вдавлений. Это керамика северобайкальского типа (рис. 5-13).

Наибольшая концентрация памятников древности, содержащих подобную керамику, приходится на северо-западное побережье Байкала. Здесь такая керамика встречена в смешанных культурных горизонтах стояночных комплексов, а также на городище-святилище Байкальское III (Абдулов, Пилипчук, 1982; Емельянова, Харинский, 2008). На побережье Чивыркуйского залива керамика северобайкальского типа отмечена на стоянках Катунь I, Окуневая III и Окуневая IV (Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008). На восточном побережье Байкала подобная керамика обнаружена и в районе устья р. Селенга (Цыденова, Хамзина, 2006). И, наконец, в Приольхонье выделяется единственное местонахождение керамики северобайкальского типа — Шаманский мыс II (Качалова, Мандельштам, 1992). Хотя, надо полагать, что фрагменты керамики с рассеченными треугольными валиками, обнаруженные в результате раскопок И.В. Асеева на стоянке Эльген I (1979 и 1982 гг.), также относятся к северобайкальскому типу (Асеев, 2003).

Относительно датировки керамики северобайкальского типа на сегодняшний день нет единой точки зрения. На стоянке Катунь I она встречена в позднебронзовом слое IV и датирована кон. II тыс. до н.э. (Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008). Исследования на Северном Байкале дают основания полагать, что она бытовала во втор. пол. III — сер. II тыс. до н.э. (Емельянова, Харинский, 2008). Последней точки зрения придерживаются и авторы статьи.

Следует заметить, что в отличие от других керамических традиций, прослеживаемых повсе-

местно на байкальском побережье, распространение керамики северобайкальского типа носит исключительно локальный характер. Выбываясь из территориальной триады — Приольхонье, побережье Чивыркуйского залива и Северного Байкала, — она не получает широкой известности в Приольхонье. Кроме того, такая керамика не находит аналогий в ближайших регионах, таких как Забайкалье, Якутия, Монголия и т.д. Однако подобная керамика с характерными орнаментальными приемами, за исключением штамповых вдавлений, встречается на стоянках Таймырского Заполярья, т.е. на огромном расстоянии к северу от Байкала. Здесь она известна как керамика *пясинской* культуры и датируется IX-IV вв. до н.э. (Хлобыстин, 1998).

По нашему мнению, в эпоху ранней и развитой бронзы (втор. пол. III — сер. II тыс. до н.э.) на территории байкальского побережья устанавливается традиция украшать сосуды различными орнаментами в отступающей технике. Среди байкальского населения выделяется, на наш взгляд, малочисленная этническая группа, в керамическом искусстве которой практикуются еще штамповые вдавления и налепной орнамент, рассеченный в той же отступающей технике. Надо полагать, что эта группа выделялась на фоне остального населения не только своеобразным керамическим производством. Так или иначе, но с сер. II тыс. до н.э. керамика северобайкальского типа не встречается на памятниках байкальского побережья. Возможно, в это время какая-то часть носителей *северобайкальской* традиции ассимилировалась с преобладающим населением побережья Байкала. Также существует вероятность того, что другая часть носителей специфической керамической традиции ушла на север через тайгу в Таймырское Заполярье, где отметит свое пребывание на памятниках *пясинской* культуры. Однако предложенная нами концепция так и будет оставаться еще одной гипотезой до тех пор, пока районы Подкаменной и Нижней Тунгусок не будут достаточно освещены в археологическом плане.

Таким образом, в ходе полученных данных хронологические рамки стоянки Эльген I можно расширить. Пребывание древнего человека в бухте Эльген фиксируется не только в эпоху неолита, но и в последующие этапы (ранний и средний) бронзового века (V — сер. II тыс. до н.э.).

В результате проделанной работы на береговом участке байкальского побережья от м. Рытый до устья р. Кочерикова было выявлено 11 археологических объектов, различных по назначению и хронологии. Некоторым из них, самым интересным на наш взгляд, в статье уделено основное внимание. Так, на этой территории обнаружена каменная стена Рытый I. По конструктивным особенностям она соотносится со стенами целого ряда маломорских «городищ». В отличие от последних, как правило, перегораживающих мысовую часть или вершущку горы, наша оградительная система перекрывает горную равнину отрога Байкальского хребта.

Другие объекты археологии, открытые экспедицией 2009 г., не менее интересны. Однако для получения более полной информации на ряде из них — стоянка Убугун II, ритуально-поминальные комплексы Убугун III и Убугун IV, одиночные погребения Ундырь I и Ундырь II — необходимы стационарные раскопочные работы.

Интересным для нас явилось и посещение известных стоянок Убугун I и Эльген I. В попытке анализа и сопоставления полученных коллекций с материалами соседних регионов байкальского побережья, хронологические рамки существования этих объектов были немного расширены. Как оказалось, стояночный материал исследуемой территории, естественно, находит свои аналогии и ничуть не уступает в информативности при сравнении с материалами соседних регионов.

Северо-восточная оконечность Приольхонья в археологическом исследовании видится нам интересной и перспективной территорией. Тем более, имеется информация и о других разнотипных памятниках этой части байкальского побережья: от искусственных каменных конструкций до наскальных рисунков и других оградительных систем.

Поэтому в дальнейшем планируется продолжить археологические разведочные работы в северо-восточном направлении от м. Рытый до м. Елохин. А также в целях уточнения хронологии и получения новых данных имеет смысл провести стационарные раскопочные работы на ряде памятников, открытых экспедицией 2009 г.

Авторы статьи выражают искреннюю благодарность Тараканову Сергею Вениаминовичу за оказанную им помощь и активное участие в подготовке и проведении научной экспедиции «Рытый — Кочерикова» в 2009 г.

Литература

Абдулов Т.А., Пилипчук Н.П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 55-71.

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. — 208 с.

Асеев И.В. Новое в неолите Прибайкалья — предварительное сообщение (по материалам раскопок стоянки в бухте Эльген в 2004 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. — Т.Х., часть I. — С. 25-32.

Горюнова О.И. Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкинэ III (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 70-75.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. — Иркутск: Арком, 1995. — Ч. 1: Остров Ольхон. — 142 с.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. — Иркутск: Арком, 1996. — Ч. 2: Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. — 213 с.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. — Иркутск: Арком, 2000. — Ч. 3: Материковый участок от мыса Улан до реки Большая Бугульдейка. — 182 с.

Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г. Многослойное поселение Катунь I — основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропо-

ген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии: Сб. науч. тр. / Отв. ред., д.и.н., проф. Г.И. Медведев. — Иркутск: Оттиск, 2008. — С. 35-45.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала: Сб. науч. тр. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. — С. 13-32.

Емельянова Ю.А., Харинский А.В. Древнейшее городище-святилище на побережье озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. — Вып. 6. — С. 145-166.

Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового — раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной Азии: мат-лы 3-й Всерос. конф. (Иркутск, 29 марта — 1 апреля, 2009 г.) — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. — С. 158-165.

Качалова Н.К., Мандельштам А.М. Поселения и могильники на мысах Бурхан, Шибэтэй и Нюргон (остров Ольхон) // Древности Байкала. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. — С. 73-77.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). — Новосибирск: Наука, 1982. — 176 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников Юга Средней Сибири в XII-XIV веках: усть-талькинская культура. — Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. — 306 с.

Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 — 1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963 — 1965 гг. — Иркутск: Изд-во ИОКМ, 1966. — С. 50-69.

Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Учен. зап. / ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения. — 1971. — Вып. 4, Ч. 1: Вопросы истории Сибири. — С. 61-77.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II — I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дис.... канд. ист. наук. — Владивосток, 2003 г. — 24 с.

Туркин Г.В. Плиточные могилы пади Олзонтэй // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003 г. — Вып. 1. — С. 74-112.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. — 238 с.

Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование: Сб. науч. тр. — Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. — Вып. 2. — С. 109-126.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. — Вып. 3. — С. 198-215.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. — С.-Петербург, 1998. — 341 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. — Новосибирск, 1991. — 187 с.

Цыденова Н.В., Хамзина Е.А. Керамические материалы посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия Лаборатории древних технологий. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. — Вып. 4. — С. 323-332.

Черемисин С.А., Горюнова О.И. К вопросу о переходном периоде к раннему железному веку на побережье оз. Байкал (по материалам многослойного поселения Катунь I) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Красноярск, 1991. — Т. 2. — С. 46-47.

Summary

The paper is devoted to archaeological research in North-Eastern Part of Olkhon Area. Until the recent time there were known only three sites between cape Rytyi and mouth of Kochernikova River. All these sites were addressed to Neolithic.

In 2009 authors organized the special search in this area and found 11 new sites. They collected also the artifacts on already known sites Ubugun I and El'gen I. These artifacts allow to reconsider the age of the sites supposed previously. The most expressive sites among new objects of Bronze — Middle Ages are the stone wall Rytyi, site Ubugun II and necropolises Ubugun III, IV and Undyr' I, II.